

TOPICAL
DIALOGUES

АКТУАЛЬНЫЕ ДИАЛОГИ

№ 3

2018

Данный номер электронного бюллетеня “Актуальные диалоги - 2018”
выпущен при поддержке Черноморского фонда регионального сотрудничества
(проект Фонда Германа Маршалла).

Мнения, высказанные в бюллетене, принадлежат их авторам
и могут не совпадать с мнениями и позициями Черноморского фонда
регионального сотрудничества или его партнеров.

B | S | T The Black Sea Trust
for Regional Cooperation
A PROJECT OF THE GERMAN MARSHALL FUND

26-27 июня на сайте «Публичные диалоги» (www.publicdialogues.info) прошла онлайн-конференция на тему «Роль внешних факторов в Карабахском процессе - 2018: посредники, региональные акторы, международные организации».

Конференция была организована в рамках проекта Исследовательского центра «Регион» «Публичные диалоги» для коммуникаций между армянскими и азербайджанскими специалистами».

Этот проект поддержан Черноморским фондом регионального сотрудничества Фонда Германа Маршалла.

Партнером по проекту является Институт мира и демократии (Нидерланды). Сайт «Публичные диалоги» был учрежден в 2012 г. Исследовательским центром «Регион» и Институтом мира и демократии, который тогда действовал в Азербайджане.

КТО УЧАСТВОВАЛ В ДИСКУССИИ?

Арман Меликян (Армения) – Чрезвычайный и полномочный посол РА, экс - министр иностранных дел НКР

Андрей Арешев (Россия) - эксперт Фонда стратегической культуры, научный сотрудник Центра изучения Кавказа

Рауф Миркадыров (Швейцария) – журналист

Вячеслав Мамедов (Нидерланды) – журналист, общественный деятель

Модератором конференции была Лаура Багдасарян (Армения) – директор Исследовательского центра «Регион»

КАКИЕ ВОПРОСЫ И АСПЕКТЫ ОБСУЖДАЛИСЬ?

- Вероятность возобновления боевых действий в зоне Карабахского конфликта после апрельских столкновений 2016 г.
- Возможные сценарии развития ситуации при развязке военных столкновений: признание НКР со стороны Армении и реакция других стран, степень вероятности применения механизма «принуждения к миру» в нынешних условиях международного развития.
- Вероятность открытия второго нахичеванского фронта как возможность достижения военного преимущества, но и воздействия на такие страны, как Турция и Россия, которые в таком случае будут вынуждены вступить в военное противостояние .
- Воздействие волны насилия и войны в Сирии и на Ближнем Востоке на реалии Карабахского конфликта.
- Рычаги региональных акторов и официальных посредников по предотвращению или, наоборот, подталкиванию к реализации этого сценария.
- Неформальные сигналы и кулуарные договоренности со сторонами конфликта.
- Задача предотвращения наиболее негативных сценариев, кто из внешних акторов может ее решить.
- Милитаристская риторика как актуальный элемент политики сторон конфликта, направленность агрессивной риторики не только на противоположную сторону, но и на страны, которым также не выгодна военная вспышка в карабахской зоне.
- Поставки оружия сторонам конфликта как инструмент политического влияния и бизнес.
- Проблема долгосрочности единодушия посредников Карабахского конфликта в контексте международной напряженности и турбулентности.
- Восприимчивость внешних акторов к аргументам сторон конфликта как при развязывании военных операций, так и при попытках политического урегулирования.
- Ресурсы для политического решения конфликта.
- Коалиции с участием России, Азербайджана, Грузии, Ирана, Турции и Карабахский конфликт.
- Отношение к военному союзу между Турцией и Азербайджаном.

«РОЛЬ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ В КАРАБАХСКОМ ПРОЦЕССЕ -2018: ПОСРЕДНИКИ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ АКТОРЫ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ»

Из материалов онлайн-конференции (26-27 июня 2018 г.)

(Полный текст материалов см. здесь: <http://www.publicdialogues.info/node/777>)

О ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ КОНСЕНСУСА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ В ЗОНЕ КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА

Вячеслав Мамедов

Война в Карабахе будет крайне непопулярной у ключевых игроков на международной арене. Поэтому невозможно будет получить международную поддержку ни Армении, ни Азербайджану в случае развязывания военных действий. В рамках работы Минской группы ОБСЕ есть редкое единодушие у России и США по методам решения Карабахского конфликта. Эти методы являются методами мира и согласия. Колоссальные интеллектуальные и финансовые ресурсы этих стран сейчас тратятся по оси Сирия-Украина-Санкции и еще по ряду менее значимых векторов. Ресурсов для экономической и политической поддержки участников возможного конфликта в Нагорном Карабахе просто нет. Турецкий фактор, как фактор подталкивания войны в Карабахе, также считаю преувеличенным. У Турции есть более серьезные проблемы с курдским экстремизмом и войной в Сирии.

Арман Меликян

На мой взгляд, в ближайшие полгода-год от прежнего их благодушного единомыслия, скорее всего, мало что останется.... В какой-то момент американо-иранское противостояние может привести и к новому возгоранию военных действий в зоне Карабахского конфликта. То есть, возобновление вооруженного конфликта у нас может послужить детонатором для дестабилизации ситуации в северных и северо-восточных провинциях Исламской Республики Иран и наоборот. При таком развитии событий вряд ли будет возможным сохранение единомыслия между американским и российским сопредседателями - уж слишком противоположны стратегические цели этих сверхдержав, ибо если для Вашингтона первоочередной задачей в регионе будет ниспровержение правящего в Иране теократического режима, то для Москвы именно сотрудничество с этим режимом рассматривается в качестве определенной гарантии обеспечения и продвижения собственных военно-политических и экономических интересов на Южном Кавказе и, отчасти, на Ближнем Востоке. Однако, конечно же, лишь время покажет, по какому пути будут реально развиваться события.

О ПРИЗНАНИИ АРМЕНИЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ НКР В СЛУЧАЕ ВОЙНЫ И РЕАКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА

Андрей Аршев

Известно, что вопрос неоднократно обсуждался в Армении, и третий президент неоднократно объяснял, почему Ереван этого не делает (в том числе по горячим следам «четырёхдневной войны»). Мне представляется, что позиция армянской дипломатии по вопросу о признании Республики Арцах вряд ли будет изменена. И для меня не очевидно, будет ли это сделано в случае возобновления активных военных действий...

Арман Меликян

В случае возобновления широкомасштабных военных действий на линии соприкосновения ВС сторон в зоне конфликта признание Арменией независимости НКР/Республики Арцах весьма вероятно. В этом контексте заявления премьер-министра Армении о том, что ради скорейшего достижения взаимоприемлемого решения, он считает целесообразным возвращение Степанакерта за стол переговоров, можно рассматривать в качестве своего рода предупреждения относительно возможности применения подобного сценария. Причем не только в случае попытки азербайджанской стороны силового решения проблемы. При этом он особо отмечает, что Президент Ильхам Алиев вправе представлять на переговорах всех граждан Азербайджана, в том числе и тех, кто ранее проживал в Шуши или Керкежане, тогда как он сам выступать от имени армян Арцаха не вправе - они не являются его избирателями и не давали ему таких полномочий.

Рауф Миркадыров

Я бы поверил в пацифизм моих оппонентов, если бы они также последовательно указывали на необходимость освобождения всех оккупированных территорий вокруг Нагорного Карабаха и возвращения в места постоянного проживания вынужденных переселенцев. Естественно, после предоставления международных гарантий безопасности армянам Нагорного Карабаха. А так, все это пацифизм с «выгодой для себя». Проще говоря, пропаганда. А так создается впечатление о том, что армяне все такие мирные и пушистые, а азербайджанцы воинственные варвары. И, наконец, защита суверенитета и территориальной целостности является не просто международно-правовой нормой, но и обязанностью любого правительства перед народом. Поэтому ни одно правительство не может заявить об отказе от силового варианта

освобождения оккупированных территорий, если мирные переговоры не дают никакого результата в течение 24 лет.

При этом не факт, что широкомасштабные боевые действия будут начаты.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ «ПРИНУЖДЕНИЯ К МИРУ» В СЛУЧАЕ ВОЙНЫ

Рауф Миркадыров

Сразу стоит отметить, что так называемый «коллективный Запад» в целом никак не может помешать урегулированию данного конфликта по силовому сценарию, особенно, если речь идет об ограниченных временных рамках. «Коллективный Запад» в целом НАТО, и такие ведущие государства, как США, в частности, не имеют военного присутствия в нашем регионе, и как следствие, не располагают инструментами «принуждения к миру» сторон конфликта. С одной стороны, это является крайне негативным фактором, по той простой причине, что в регионе отсутствует военно-политический баланс между ведущими глобальными игроками, прежде всего, между Россией и США. Однако отсутствие военно-политического присутствия снимает с Запада в целом, и с США в частности, любую ответственность за возможное развитие событий по силовому сценарию. Поэтому Запад мог бы «закрывать глаза» на попытки силового урегулирования конфликта, если таковые будут кратковременными, и не будут сопровождаться преступными акциями в отношении мирного населения. Многие дипломаты, представляющие в Баку ведущие западные государства, в частных беседах с автором этих строк не раз открыто заявляли об этом.

Итак, из ведущих геополитических игроков только Россия имеет военно-политическое присутствие в регионе и, как следствие, «инструменты принуждения к миру» сторон конфликта. Таким образом, только Россия может способствовать или же не допустить урегулирования конфликта по силовому сценарию.

Андрей Аршев

Предположения на тему некоего подобия Дейтона (город в штате Огайо, в Соединенных Штатах) для Южного Кавказа высказывались, по крайней мере, на экспертном уровне. В разное время высказывались предположения относительно состава возможного иностранного контингента в регионе Карабахского конфликта. Если не ошибаюсь, несколько лет назад в этом контексте упоминались страны Вышеградской группы, но потом все стихло. Да и Иран неизменно выступал против внешнего присутствия по периметру своих границ. Согласие Баку на подобную операцию тоже сложно представить. Так что на данный момент я склоняюсь к мысли, что этот вопрос неактуален даже в случае военной эскалации. Это слишком сложная операция, в том числе с точки зрения правового и организационно-технического оформления.

Арман Меликян

Сегодня условия ввода российского военного контингента могут если и не диктовать, то требовать из Баку. Как вам такой вариант: вся территория вокруг ныне упраздненных административных границ бывшей НКАО, за исключением Бердзор/Лачина, тем или иным путем переходит под контроль азербайджанских ВС и администрации, а на остающейся под контролем Степанакерта территории размещается российский миротворческий контингент? При этом статус армянонаселенного края будет оставаться неопределенным, и уж тем более, он не войдет в состав Армении. Я думаю, что на такое

промежуточное решение в Баку согласятся с удовольствием, поскольку это станет лишь началом процесса. Учитывая тенденцию снижения и, в определенных местах, полного сворачивания российского влияния на постсоветском пространстве, глядишь, лет через десять-пятнадцать у Азербайджана появится шанс «освоить» оставшееся уже после «добровольно-вынужденного» ухода русских.

Вячеслав Мамедов

Если брать международный порядок по «принуждению к миру», то это довольно долгая процедура, требующая решения Совета Безопасности ООН. В полном смысле к конфликтующим сторонам эта мера пока не применялась, так как при «принуждении к миру» могут уничтожаться как вооружения и военная инфраструктура враждующих сторон, так и уничтожение военных группировок участников конфликта. Так как это действительно крайние меры, поэтому и требуется решение Совета Безопасности.

Но так как Россия связана с Арменией и Азербайджаном рамками ОДКБ и СНГ, такие радикальные меры никогда применяться не будут даже в случае полномасштабной войны. Поэтому, действия России пока намного ближе к термину «поддержание мира». Уверен, что и дальше Россия будет применять именно этот вариант для сдерживания участников конфликта.

Но, конечно, как поддержание мира, так и силовая акция «принуждения к миру» могут рассматриваться только как временные меры и не могут заменить полноценный переговорный диалог для решения проблемы.

Рауф Миркадыров

Согласен с господином Мамедовым в том, что это - (организация и реализация операции по принуждению к миру – ред.) долгая процедура. А мы почти все согласились с тем, что война будет иметь скоротечный характер. То есть, просто не успеют обсудить и принять решение. Напомню, что даже во время так называемой апрельской войны (2016 г. – ред.), хотя это были боевые действия местного значения, данный вопрос даже не был внесен в повестку дня Совбеза ООН. Во-вторых, в существующих геополитических реалиях и интересах глобальных игроков, прежде всего, России и США, подобная консолидированная реакция вообще невозможна. Россия и Иран не заинтересованы в появлении внерегиональных сил. Данный вопрос не удалось полностью согласовать даже в середине 90-х годов. Теоретически оперативно отреагировать на ситуацию могут Россия, Иран и Турция. Иран отпадает. И так проблем выше головы. Попытка военной интервенции станет поводом для нанесения удара по Ирану.

АЛЬЯНСЫ С УЧАСТИЕМ РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, ГРУЗИИ, ТУРЦИИ, ИРАНА И КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ

Андрей Аршев

Мне представляется, что возможные альянсы будут иметь ситуативный характер и диктоваться необходимостью решения возникающих проблем, подчас в «пожарном» порядке. Таковы наши непростые реалии, тактическое маневрирование не даёт возможности сформулировать долгосрочные цели и понять механизмы их достижения (и большой вопрос достижимо ли это в принципе в условиях сужения

национальных юрисдикций в пользу глобальных трансграничных игроков). Возможное сотрудничество Ирана, Азербайджана и России обусловлено известным проектом МТК «Север – Юг», между тем как тот же Азербайджан задействован и в других, несомненно, более значимых для него «широтных» энергокоммуникационных проектах. Ближневосточная нестабильность действительно распространяется в сторону Ирана и Южного Кавказа (неоднократно доводилось об этом писать), что внушает серьёзные опасения, в том числе в контексте карабахского противостояния... Наибольшее влияние в контексте карабахского конфликта может оказать трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии.

Почему? Достаточно посмотреть на карту. Остальные форматы двустороннего и многостороннего взаимодействия подчинены решению отдельных задач или развитию отдельных проектов, не имеющих к карабахскому вопросу непосредственного отношения.

Вячеслав Мамедов

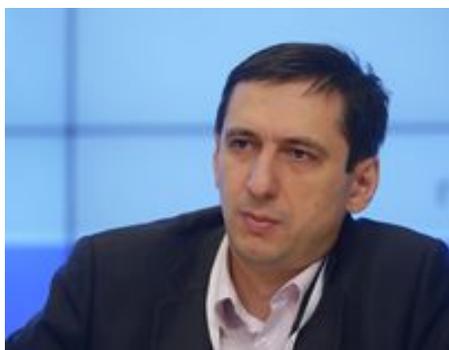
Если брать сформированные в последние годы альянсы, то наиболее активно проявлял себя лишь один альянс. Это Россия-Турция - Иран. Но этот довольно странный альянс создавался исключительно для решения группы вопросов по прекращению войны в Сирии. И не более того. Поэтому я уверен, что после прекращения войны в Сирии альянс распадется. По большому счету, в будущем, когда за решение карабахской проблемы возьмутся по настоящему, будут созданы другие альянсы, о составе участников мы пока даже не можем предполагать в силу сильнейшей турбулентности в международных отношениях и неясности будущих отношений между той или иной страной. Единственно можно утверждать, что в этих альянсах будущего непременно будет принимать участие Россия.

Арман Меликян

Альянс по оси Баку-Тбилиси-Анкара сформировался уже достаточно давно и успешно продвигает, в том числе и совместные политические, экономические, логистические и военные проекты. Альянс Москва-Баку-Тегеран находится на стадии формирования и пока преимущественно акцентируется на экономике и транспорте, плюс есть отдельная точка совместных интересов - статус Каспия. Можем говорить также о некоем не формализованном альянсе Москва-Анкара-Тегеран, который помимо вопросов сотрудничества в значительной степени нацелен на преодоление противоречий между его членами, постоянно возникающих на пространстве Ближнего Востока и на Южном Кавказе. Считаю серьезным политико-дипломатическим успехом официального Баку то, что ему удалось закрепиться в качестве ключевого звена как по оси Восток-Запад, так и по Север- Югу. Это пока что дает ему большой простор для политического маневрирования

О РЕСУРСАХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА

Андрей Аршев

Надо смотреть, что первично, а что вторично, это всё усложняет ситуацию, в том числе применительно к региональным конфликтам, делает её не такой линейной. Одно время обсуждалась идея, что противоречия между Арменией и Азербайджаном могут быть частично устранены в случае их совместного пребывания в Евразийском экономическом союзе, однако актуальное состояние этой структуры избавляет от иллюзий. Впрочем, ЕС тоже не в лучшем состоянии, и вряд ли готов взять на

себя какие-либо серьёзные обязательства на Кавказе. Фрагментация постсоветского пространства продолжается, Россия здесь абсолютно не эксклюзивный игрок, способный кому-то что-то диктовать. Да и не нужно это на самом деле. Элиты бывших советских республик, освободившиеся от "цепких объятий империи", свято блюдут обретенную независимость, а параллельно - ищут и находят других партнёров, а некоторые - даже покровителей. Насколько эффективно - вопрос отдельный, но в случае Нагорного Карабаха я не вижу у внешних ресурсов и возможностей для того, чтобы навязать сторонам какую-либо эффективную схему урегулирования. Кажется, в этом более-менее едины все участники дискуссии.

Вячеслав Мамедов

Президенты не могут подписать каких-либо договоренностей без достижения общественного консенсуса в Армении и Азербайджане по хотя бы самым начальным и единым принципам урегулирования Карабахской проблемы. Иначе общества ответят массовыми протестами и беспорядками, оживится оппозиция, появятся баррикады... Но для этого требуются очень серьезные дипломатические ресурсы, как в плане руководства всей работы, так и в плане разработки конкретных рекомендаций. Но на данном этапе, к сожалению, все ресурсы ключевых акторов тратятся на работу по наиболее острым проблемным направлениям. В этом контексте я считаю исключительно важным нормализацию отношений между Россией и США хотя бы по некоторым направлениям. Это позволит переключить талантливых (именно талантливых) дипломатов на решение Карабахской проблемы. Чтобы понять остроту нехватки ресурсов, приведу пример посольства России в Нидерландах. Доверенный и

Рауф Миркадыров

близкий источник сообщил, что 80 процентов дипсотрудников, включая и атташе по культуре, сейчас заняты разработкой методов борьбы с «проамериканским лобби» в ОЗХО. А на другие темы нет ни сил, ни времени...

Международное сообщество практически не имеет никаких ресурсов для урегулирования конфликта. По крайней мере, пока существует жесткое геополитическое противостояние между ведущими глобальными игроками. «Сепаратно», то есть, путем угроз, шантажа и прямого военно-политического давления «с выгодой для себя» добиться урегулирования конфликта может, по крайней мере, на данном этапе только Россия. Можно расписать различные сценарии.

Несколько слов о внутренних ресурсах. Так называемый шантаж, проще говоря, угроза войны также является определенным ресурсом. Люди должны помнить об угрозе войны. Даже господин Казимиров в свое время признал, что соглашение о режиме прекращения огня «бессрочное, но не вечное». Люди всегда должны помнить, что сохранение существующего статус-кво рано или поздно приведет к большой войне. Это серьезный стимул для ответственных политиков.

Серьезным стимулом может стать и угроза потери независимости. Да, полностью согласен с Андреем Аршевым в том, что нашим правителям, даже буквально вчера вставшему у руля власти Пашиняну, не хотелось бы стать в лучшем случае губернатором российской губернии. Приятно властвовать самому, даже если на таком ограниченном пространстве, что название государства не вмещается в место отведенное на карте. Но, как говорится, против лома

нет приема, если нет другого лома. А у Азербайджана и Армении «другого лома» нет.

Надеюсь, что эта угроза заставит лидеров Азербайджана и Армении проявить политическую волю, пойти на прямые переговоры без посредников, выйти на какие-то компромиссы.

Арман Меликян

Мне кажется важным определение того, каким видится урегулирование сторонам конфликта, заинтересованным региональным державам и посредникам. Стороны конфликта имеют в лучшем случае не совпадающие (Ереван и Степанакерт), в худшем случае - диаметрально противоположные (Баку, Степанакерт) подходы. До происшедшей в мае 2018 г. смены власти, Ереван рассматривал в качестве приемлемого варианта формулу «территории в обмен на статус», по которой под контроль Азербайджана могли быть переданы территории, расположенные восточнее и южнее ныне упраздненных границ бывшей НКАО. А Азербайджан признал бы право народа Арцаха на самостоятельное определение статуса края. Баку отказывается от признания такого права за гражданами Арцаха, однако готов получить обратно названные территории в обмен на гарантии снижения собственной военной активности на линии соприкосновения. Для населения Арцаха в Баку рассматривается вариант самоопределения в рамках территориальной целостности или суверенитета Азербайджана. В Степанакерте (который прямого участия в переговорах не принимает) же считают, что вопрос статуса Арцаха решен посредством самопровозглашения, а проблему территориального размежевания с Азербайджаном рассматривают в контексте возможного обмена находящихся под контролем Баку ранее армянонаселенных территорий

на некоторые ранее азербайджанонаселенные территории, ныне находящиеся под контролем арцахских властей. Грубо обобщая сказанное можно охарактеризовать позиции сторон следующим образом:

Баку желает вернуть ситуацию по статусу и территориям в до конфликтное состояние.

Степанакерт желает юридически закрепить ситуацию, сложившуюся по итогам войны 1991-1994гг., а Ереван предлагает согласиться на некий микс позиций Баку и Степанакерта

Региональные державы озабочены тем, чтобы то или иное решение не затронуло бы их собственные интересы, не отразилось бы негативно на их военно-политических и экономических интересах, не снизило бы для них уровень безопасности.

Посредники, так или иначе, рассматривают конечное урегулирование в контексте собственных среднесрочных и долгосрочных интересов на Ближнем Востоке, Южном Кавказе и в Центральной Азии. При этом, принципы урегулирования, которые ими предлагаются, противоречат друг другу и противопоставляются сторонами конфликта, ведется теоретическая борьба за определение того, какой из принципов главнее, приоритетнее с точки зрения международного права. Абсолютно бесплодное занятие.